

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СМИРНОВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ОРГАНИЗАТОР
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
(1894 — 1980)

Какой великолетный представитель человеческого рода!
Ж. Пиаже — об А.А. Смирнове

В справочных изданиях (энциклопедиях, словарях и т. д.), опубликованных во второй половине XX в., в которые включены краткие биографические статьи о крупнейших ученых мира, есть и статьи об Анатолии Александровиче Смирнове. Он был действительным членом Академии педагогических наук РСФСР и СССР, ее вице-президентом, директором ведущего в стране Института психологии, главным редактором журнала «Вопросы психологии», одним из учредителей и первым президентом Общества психологов СССР, главным редактором и одним из авторов учебника по психологии для вузов, редактором и автором ряда крупнейших обзорных изданий по психологии («Психологическая наука в СССР», «Основы психологии» и др.), автором монографий, научным руководителем обширной плеяды аспирантов и докторантов, членом Генеральной ассамблеи Международной ассоциации научной психологии, участником и организатором международных конгрессов по психологии. Это был один из лидеров советской психологии, старейшина советских психологов.

Но этим — научным — поприщем не ограничивалась его деятельность. Была в его жизни и другая сфера приложения сил. Еще в 1918 г. он работал в культпросветотделе Московского совета в качестве инструктора по организации клубов рабочих-подростков; чуть позже — в Московском

центральном рабочем кооперативе заведовал отделом детского воспитания, спустя много лет, в конце 40-х — начале 50-х гг., уже будучи директором института и академиком, он дважды избирался депутатом Краснопресненского районного совета и еще дважды — Московского городского совета депутатов трудящихся. Педагоги Москвы хорошо знали это имя и не сомневались, что в институте, где директором А.А. Смирнов, они всегда могут получить консультацию, практическую помощь, высокопрофессиональный ответ на самые разные вопросы. Каждые 2—3 года Институт проводил «Педагогические чтения», начавшиеся как городские, московские и быстро ставшие общесоюзными. Одним из главных организаторов их — вместе с Н.А. Менчинской — был Анатолий Александрович; именно их заботами эти чтения превратились в своеобразную научную школу для учителей: многие педагоги, начав с них, стали впоследствии известными учеными.

Работавший в институте Народный университет психологических знаний, лекции в Политехническом музее, тематические семинары для учителей, деятельность «базовых» школ, где сотрудники института вели многолетние исследования и непосредственно участвовали в организации школьной жизни; серии специализированных публикаций для педагогов и родителей — все это способствовало тому, что московская детвора получала добротное образование, воспитание. Институт добился включения психологии — предмета, важного для формирова-

ния общей культуры, — в школьные программы и протестовал (правда, безуспешно), когда ее из программ изъяли. Сотрудники института работали в московских домах младенца, детских домах и школах-интернатах, ПТУ, медицинских учреждениях — и все это держал в поле зрения Анатолий Александрович.

А ведь он помимо научно-организационной работы занимался — и не менее продуктивно — еще и исследовательской деятельностью.

Память человека, особенности ее развития в разные возрастные периоды (детство, школьные годы, учение в вузе, годы активной трудовой деятельности, старость), разработка психолого-педагогических основ ее формирования, связь памяти с деятельностью человека, разработка на этой основе методов ускоренного овладения сложными навыками профессиональной работы в различных областях (например, разработка наиболее рациональных и эффективных способов обучения радистов Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны) — вот только некоторые аспекты проведенных А.А. Смирновым и руководимым им коллективом фундаментальных и прикладных исследований по проблеме памяти. Эти исследования широко известны не только в отечественной, но и в мировой психологии и остаются актуальными, непревзойденными до сих пор.

Второй областью его научных интересов была история психологии, и не только отдельных ее областей, но и науки в целом. Как и в экспериментальных исследованиях, в историко-научных работах Анатолия Александровича прежде всего — уважение к Господину Факту. Не обойдено вниманием ни одно имя, учреждение, событие — фактическая канва истории нашей науки прослежена максимально полно; даже сами по себе библиографические и именные указатели к его работам имеют самостоятельную ценность для историков науки.

Однако свою главную задачу мы видим не в том, чтобы еще раз говорить о Смирнове-исследователе (об этом написано немало), а в том, чтобы вспомнить о нем как о замечательной личности, одной из самых ярких фигур нашей науки.

Велики заслуги Анатолия Александровича и в развитии отечественной науки, и в ее представительстве за рубежом, и в жизни нашего города. Высок авторитет этого кристально чистого человека.

Чем заслужил глубокое уважение современников и право на внимание потомков Анатолий Александрович Смирнов? Почему все, кто знал его лично, кому выпало счастье учиться у него и работать с ним, с большой любовью и огромным уважением вспоминают о нем?

Большой ученый, внесший весомый вклад в разработку теории и истории психологической науки, экспериментально разработавший одну из фундаментальных проблем психологии, основавший научную школу и подготовивший плеяду учеников? Да, но в советской психологии того периода были и другие крупные имена.

Выдающийся организатор науки, отстаивавший ее чистоту и целостность в сложные периоды жизни нашего общества? Да, он целеустремленно и мужественно выполнил свою роль в развитии и укреплении нашей науки, но не только это.

Умелый и мужественный директор крупнейшего и в течение многих лет единственного в стране Научно-исследовательского института психологии? Да, он успешно делал и эту ответственнейшую работу, сплотив коллектив сотрудников института, направив общую исследовательскую работу таким образом, что все (или почти все) работавшие в институте в эти годы с гордостью и благодарностью вспоминают их как «золотой век психологии», а многие — и как лучшие годы своей собственной жизни. Но и это не всё. Так чем же?!

Думается, что прежде всего тем, что А.А. Смирнов был прекрасным представителем той русской интеллигенции, которая всегда была славой России. Один из наших крупных поэтов сказал, что интеллигентность — не профессия, а состояние души. Это и об Анатолии Александровиче.

* * *

То, что будет написано ниже, — это и наши собственные впечатления и размышления (нам

А.А. Смирнов. Служба в кавалерии

посчастливилось слушать лекции Анатолия Александровича в самом начале студенческой жизни, а после окончания МГУ прийти в Институт и работать в нем всю жизнь), и воспоминания коллег, работавших рядом с Анатолием Александровичем¹, и некоторые опубликованные и архивные материалы.

Воспоминания об Анатолии Александровиче многие психологи начинают с периода его юности, так как об этих годах в свое время вспоминал и сам А.А. Смирнов, и его сверстники — П.А. Шеварев, Н.И. Жинкин.

Последуем этому примеру и мы, начнем с кратких выдержек из автобиографии А.А. Смирнова.

Родился в 1894 г. в г. Руза Московской области. Отец — адвокат, мать — домашняя хозяйка. В 1912 г. окончил гимназию, в 1916 г. — историко-филологический факультет Московского университета. Сразу же был призван в армию; в 1918 г. демобилизован. С февраля этого года работал инструктором в культпросветотделе

Моссовета, затем в аналогичном отделе Московского центрального рабочего кооператива (об этом уже говорилось выше). В ноябре того же года был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии и психологии, но в июне 1919 г. призван в Красную Армию и демобилизовался только в августе 1921 г. С этого момента его жизнь связана с московскими вузами и исследовательскими институтами, прежде всего с Институтом психологии МГУ, где он начал работать после демобилизации и — с одним перерывом (1923—1933) — проработал вплоть до своей смерти 24 мая 1980 г.

В 1945 г. он стал директором этого института и 28 лет (до 1972 г.) нес эти нелегкие обязанности. Одновременно (с 1941 по 1952 г.) состоял профессором Московского университета, в 1944 г. был введен в первый состав Академии педагогических наук РСФСР в качестве члена-корреспондента, через 3 года (в 1947 г.) избран ее действительным членом. В течение многих лет был членом Президиума АПН, и.о. вице-президента АПН. А.А. Смирнов — один из инициаторов создания и главный редактор единственного тогда профессионального журнала — «Вопросы психологии», а позже многолетним председателем «Основы психологии», председателем Общества психологов СССР, член Высшей аттестационной комиссии, разнообразных советов — по программированному обучению при МВО СССР, по кибернетике АН СССР, член правления Советско-Австрийского общества дружбы и Института советско-американских отношений, почетный член Польской академии наук, участник многих международных конгрессов и других встреч, председатель оргкомитета XVIII Международного психологического конгресса в Москве в 1966 г. — самого обширного в то время по числу и географии участников. И т. д. и т. п.

Огромный труд! Тем более что Анатолий

¹ Все интервью взяты Э.А. Фарапоновой в конце 1995 — начале 1996 г.; перечень имен — в конце статьи. Текст статьи написан по материалам этих интервью.

Работа подготовлена по проекту «Российские психологи» (грант РГНФ № 95-06-17761).

Александрович принадлежал к людям, не умеющим делать что-либо вполсилы, приблизительно. Однако вернемся назад и последовательно расскажем о воспоминаниях коллег Анатолия Александровича, относящихся к разным периодам его жизни.

Эти воспоминания воспроизводит академик М.Г. Ярошевский.

— Неоднократно при мне Анатолий Александрович вспоминал об этом периоде жизни, рассказывал отдельные эпизоды. Он был студентом историко-филологического факультета Московского университета, учился успешно, увлеченно. В те годы у каждого студента была своя комната. Комнаты А.А. Смирнова и А.Ф. Лосева (впоследствии крупного философа) были рядом. Они стали близкими друзьями, много общались, хотя их научные интересы были несколько различны: Лосев все больше устремлен в мировоззренческие проблемы, тяготел к философии, с утра до вечера сидел с книгами, ничто другое его не интересовало. Смирнова же интересовала психология человека, его природа, поведение, побуждения, характер. Он верил, что не философия, а наука должна изучать эти вопросы, он был ориентирован на изучение реальных фактов, реальной жизни, хотя это и не значит, что он недооценивал теорию. Но надо изучать факты.

Анатолий Смирнов был тесно связан с московским студенчеством, был, как теперь говорят, заводилой в своем кругу, но одновременно — и одним из тех людей, к которым друзья тянулись, обращались при возникновении каких-то сложных ситуаций. Его интересовала общественная жизнь. А надо отметить, что это было сложное время: предреволюционные годы, период Первой мировой войны. Атмосфера в обществе была довольно напряженной, возникали сложные ситуации не только бытового, но и социально-идеологического характера, и Анатолий Александрович для сверстников часто становился советчиком, опорой, примером.

В эти годы он встретил и свою будущую жену — Марию Федоровну, с которой мирно прожил до конца своих дней, любовно-иронически называя ее «моя девушка». Вспоминается, как он шутливо-весело рассказывал, что тогда в студенческом корпусе, заходя в свою комнатку, студент оставлял сапоги у дверей; так вот, сапоги Анатолия Александровича частенько отсутствовали, так как он большую часть времени проводил со своей девушкой. Много лет спустя, на теплых институтских вечерах Мария Федоровна вместе с сыновьями Глебом и Мстиславом всегда были желанными гостями, и все Смирновы вместе придавали этим незабываемым вечерам, сдобренным шуткой, фокусом, стихами, музыкальными импровизациями, особые уют и мягкость.

Иногда перед коллективом института выступал с концертами Мстислав Анатольевич, закончивший Московскую консерваторию по классу фортепиано у Г. Нейгауза. Сотрудникам нравились эти концерты, но Анатолий Александрович не упускал случая подтрунить над профкомом, отпуская шуточки, хотя всем было ясно, что он доволен и гордится сыном, его согласием выступить в институте, прекрасным исполнением сложных произведений.

Интерес к психологии возник у Анатолия Александровича еще в годы учения в университете. Он активно работал в семинаре Г.И. Челпанова (вместе с Н.И. Жинкиным, П.А. Шеваревым и др.). Его тогда уже интересовала проблема памяти. В те первые годы он подходил к этой проблеме с позиций ассоциативной психологии, в дальнейшем значительно продвинулся в теории. Г.И. Челпанов относился к нему с уважением и симпатией и видел в нем представителя того поколения, которое сможет по-настоящему разработать экспериментальную психологию. Причем если Челпанов стремился соотнести эти проблемы методологически, у него, как известно, были философские склонности, то А.А. Смирнова эта философская сторона дела не увлекала, он предпочитал изучать психические явления

методами экспериментальной науки, анализировать и обобщать факты и уже на этой основе — строить теорию².

Затем грянула революция. Каким-либо преследованиям А.А. Смирнов не подвергался, однако в первые годы относились к нему несколько настороженно. Он сам об этом никогда не говорил, но, очевидно, то, что в армии он был вольноопределяющимся, повлияло на отношение к нему в первые годы после революции, ведь тогда ко всем относились с позиций «классовой борьбы».

В годы, когда в Институте психологии утвердился К.Н. Корнилов, А.А. Смирнов не захотел оставаться в институте. Он в общем-то позитивно относился к Корнилову как к человеку, уважая его за то, что учитель, приехавший с далекого Алтая, смог овладеть основами психологии и активно работать в ней. Корнилов в то время был чуть ли не правой рукой Челпанова, энергичным человеком, блестящим оратором, выступавшим на всяких заседаниях и собраниях. Первое время Корнилов больше занимался реактологией, считая, что изучение реакции — вот тот путь, на котором психология сможет сделать что-то значимое. В дальнейшем, став активным пропагандистом марксизма, он опубликовал работу «Психология и марксизм».

С окончанием гражданской войны началась перестройка психологии. Впрочем, появились люди, которые никакого отношения к психологии не имели, но хотели сделать карьеру на этом. А.А. Смирнов ушел из института, ушел от ненаучных, агрессивных идеологических битв, которые там разгорелись.

В этот период он занялся школьной проблематикой, детской и педагогической психологией.

Как человек очень энергичный, он работал сразу в двух-трех местах, успевал сделать очень многое. Работал в Институте внешкольной работы, в Институте политехнического образо-

вания, в учреждениях Красной Армии. Он участвовал в создании новой, советской школы. В частности, вместе с педагогами (С.Т. и В.Н. Шацкими и др.) он занимался организацией Первой опытной станции по народному образованию в Москве (1919—1932), учреждением первых детских клубов, особенно для детей и подростков рабочих окраин Москвы. Уже в те годы большое воспитательное значение он придавал трудовому обучению школьников. Он читал лекции, помогая в подготовке учителей и повышении их квалификации. Деятельность его была многогранной. Он опубликовал книги по разным областям психологического знания: «Психология ребенка и подростка», которая выдержала 4 издания (1926, 1928, 1929, 1930), «Психология профессий» (1927), статьи по вопросам психофизиологии зрения и военной маскировки, цветоделению и т. д.

И все это — несмотря на скверные материальные и бытовые условия. Жили скромно, хотя работали много. Квартира А.А. Смирнова состояла из двух больших комнат (бывших классов частной гимназии). Вход в одну из комнат был прямо с лестничной клетки, не было никакого, даже маленького коридорчика. Спали на железных кроватях. Только на склоне лет семья Смирновых получила приличное жилье на первом этаже нового дома.

Когда в январе 1933 г. А.А. Смирнов вернулся в Институт психологии, он тесно и на всю жизнь подружился с Б.М. Тепловым. Они были просто неразлучны. И со слов Анатолия Александровича и других психологов известно, что они были духовно близки, тесно связаны и советовались по всем, не только научным, но и жизненным вопросам. Это был самый близкий его друг — кроме Марии Федоровны, конечно. В Институте психологии оба занялись проблемой восприятия и совместно выполнили цикл экспериментальных работ.

² Среди тем экспериментальных работ психологического института в 1914—1915 гг. значится: А.А. Смирнов. О детерминативном и ассоциативном течении представлений. Испытуемые: Кравков, Лосев, Жинкин, Кейль, Рудик, Шеварев, Никифоров (!).

А.В. Лентулов «Солнце над Патриаршими прудами» (фрагмент)

МГПИ на Малой Пироговской

Шли очередные трудные для института годы: опять «дискуссия» — реактологическая, опять разгром. Вместе с научным направлением страдали и его руководители; в данном случае — уже К.Н. Корнилов. Реактологию разгромили в 1929 г., и состоялся своего рода идеологический переворот в науке, начали искать новую форму исследований.

А.А. Смирнов был мудрым и нравственным человеком, он старался не выступать в роли «разоблачителя», хотя время было острое и можно было вообще остаться без работы, если ты не зафиксируешь свою идеологическую «выдержанность». Эта его позиция — одна из наиболее позитивных человеческих черт, которую он сохранил на всю жизнь. Тогда он еще не был директором института, и если бы был наказан, то это касалось бы только его семьи, и он рисковал, отмежевываясь от разоблачителей в период острых идеологических сражений. Когда он стал директором института и за ним стоял коллектив сотрудников, судьбы других людей, тактику поведения ему пришлось сменить; однако и в этом случае он не изменял себе, но об этом чуть позже.

В 1937–1941 гг. Анатолий Александрович одновременно с работой в институте состоял профессором Московского городского педагогического института. К тому времени он был уже известным ученым. В первые же дни войны он, так же как и другие психологи института, ушел в народное ополчение. Многие ученые Москвы погибли на фронте, попали в окружение, перенесли плен. Мог бы погибнуть и А.А. Смирнов. Однако его, Б.М. Теплова и других крупнейших ученых по приказу Государственного комитета обороны срочно возвратили в Москву. Они успели вернуться к моменту эвакуации института. Молодой и энергичный А.Н. Леонтьев организовал эвакуацию института вместе с МГУ. Причем эвакуировали сотрудников, их семьи, научную документацию и аппаратуру. Так семья А.А. Смирновых оказалась в Ашхабаде. М.Г. Ярошевский, который именно в это время познакомился с ними, вспоминает об этом периоде жизни А.А. Смирнова:

«Это было очень суровое время, голодные, трудные годы. Трудно было всем. Семья Смирновых ютилась в маленьком национальном домике (юрте, кибитке?). Это было небольшое глинобитное сооружение, побеленное известью, где-то на окраине города.

Анатолий Александрович тогда еще не был доктором наук. Материальное положение семьи было очень трудным. Впрочем, как у многих в то время. Он был крайне истощен, долго и сильно болел. Но тем не менее много работал. Во дворике возле дома он всегда сидел за столом. Он продолжал заниматься наукой, много писал.

Семья Анатолия Александровича бережно сохранила письма, которые писали ему сотрудники института, оставшиеся в Москве. В них — детальный рассказ о событиях в доме на Моховой, 9 (например, о том, что в Большой аудитории температура ниже 0°, но все собираются в штабе — в подвале — и там тепло, и о том, что вечерами заниматься в институте нельзя, так как «вечерние гости мешают возвращаться домой» (т. е. воздушные тревоги, бомбежки), и о идущей тем не менее научной работе («по вторникам в практикуме» идут доклады, сотрудники работают над военной проблематикой и даже обсуждают свои диссертации и т. д.). И все письма наполнены теплом; удивительно, но уже тогда к Анатолию Александровичу обращались со словами «дорогой наш Дед», «наш Дедушка», «властитель наших дум», т. е. так же, как много лет спустя звали его мы, сотрудники института 60–70-х гг., — «Наш Добрый Дед».

В этом — великое уважение к нему; ведь Анатолий Александрович совсем не был аморфным добрячком, не расточал комплиментов и хорошее от плохого, науку от халтуры, порядочность от непорядочности отделял абсолютно четко. Конечно, ничто человеческое не было ему чуждо; мог и рассердиться, и вспылить, и отчитать, но это всегда было проявлением его большой души и заботы о деле, науке, институте, людях.

Вскоре, еще в годы войны, остатки института эвакуировали в Свердловск, где тогда на базе госпиталя А.В. Запорожец и А.Н. Леонтьев зани-

Р. Шеридан «Школа злословия»
Леди Тизл — О.Н. Андровская,
Сэр Питер — М.М. Яншин

мались исследованиями по восстановлению движения, а летом 1943 г. институт возвратился в Москву.

Сложилась странная ситуация: директором Института психологии в Ашхабаде был назначен А.Н. Леонтьев, а в Москве директором Института психологии был С.Л. Рубинштейн. Конечно, это не могло не создавать некоторую напряженность, но между А.А. Смирновым и С.Л. Рубинштейном сразу же установились дружеские, уважительные отношения, а когда встал вопрос, кому быть зам. директора института, С.Л. Рубинштейн предложил кандидатуру А.А. Смирнова. Быть заместителем у такого директора было совсем не просто. Это была большая и ответственная работа.

Институт психологии того времени был подлинным интеллектуальным и научным центром, где кипела научная жизнь. Каждое заседание Ученого совета, а проходили они регулярно, было праздником науки. Возглавляли эту работу такие корифеи нашей психологии, как С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, С.В. Кравков и другие. Это был Храм науки и в том смысле, что помимо самих психологов, сюда часто приходили выдающиеся ученые Москвы, представители других областей знания. М.Г. Ярошевский вспоминает Ученый совет, на котором присутствовал С. Эйзенштейн и рисовал карикатуры на членов совета. Участвовали в заседаниях Ученого совета Л.А. Орбели, Н.А. Бернштейн, известный филолог В.В. Виноградов, генерал-лейтенант А.А. Игнатъев, автор книги «50 лет в строю», чьи выступления были особенно интересны.

Когда на Ученом совете обсуждалась работа Б.М. Теплова «Ум полководца», в Большой аудитории собралось много известнейших военачальников страны, блистали звезды генералов и адмиралов. Это был не только московский Институт психологии, где собирались психологи-профессионалы, но и культурный центр, привлекавший широкие круги московской интеллигенции, в том числе художников, писателей, актеров, музыкантов.

На вечерах отдыха в Большой аудитории собирались ученые, врачи, инженеры, учителя, военные. Страна восстанавливала свои силы, и интеллектуальные тоже, и одной из точек, где эти усилия фокусировались, стал — как при Г.И. Челпанове — Институт психологии. И в этом — большая заслуга директоров института: в конце войны — С.Л. Рубинштейна, а затем А.А. Смирнова, принявшего эту должность в июле 1945 г., и его ближайших помощников — Б.М. Теплова, М.В. Соколова и многих других. В разные годы в концертах принимали участие артисты Малого театра и МХАТа, солисты Большого театра, профессора и студенты консерватории, поэты, писатели, известные певцы — лучшие представители творческой интеллигенции Москвы. Перечень этих блистательных имен обширен: Е.Н. Гоголева, М.И. Царев, А.К. Тарасова, И.М. Москвин, М.М. Климов, А.П. Кторов, О.Н. Андровская, А.О. Степанова, Э. Быстрицкая, Д.М. Михайлов, Н.А. Обухова, А.В. Нежданова, Е. Образцова, Т. Милашкина и другие. Пианисты К.Н. Игумнов, Л. Оборин, Л. Зюзин, поэтессы М. Алигер, Р. Казакова. В более поздние годы гостями института были В. Высоцкий и М. Жванецкий, демонстрировал психологические опыты Вольф Мессинг. Многим памятливы эти концерты и встречи, так же как и лекция о творчестве А.С. Пушкина, прочитанная С.М. Бонди, лекции Л. Гумилева, Долецокого, семинары философа М. Мамардашвили.

В 1945 г., когда Анатолий Александрович стал директором института, мы — авторы данного эссе — стали студентками отделения психологии философского факультета МГУ, где он читал пропедевтический курс психологии. Впечатления от этих лекций запомнились на всю жизнь. Среди студентов-первокурсников были не только вчерашние школьники, но и взрослые люди, демобилизованные фронтовики. Лекции А.А. Смирнова были интересны и понятны всем. Когда он входил в аудиторию, все вставали, почтительно приветствуя академика, но когда он начинал говорить, исчезала дистанция, казалось, что простой старший знающий человек внимательно и по-доброму

Н.А. Обухова в роли Марфы

знакомит тебя с самими собой, рассказывает именно тебе о закономерностях психики и условиях ее развития. Когда Анатолий Александрович с добродушной улыбкой позволял себе пошутить, обратить особое внимание на какое-то определение или тезис, казалось, что он делает это исключительно для тебя, чтобы убедить тебя и получить твоё согласие. Во время перерывов мы окружали его, иногда продолжали обсуждать темы, провожая его до Института психологии (это было в те годы очень близко, факультет размещался в крыле самого старого здания МГУ, около памятника Герцену).

Уже на I курсе одна из нас (Э.А. Фарапонова) стала ученицей А.А. Смирнова. Вот её студенческие впечатления:

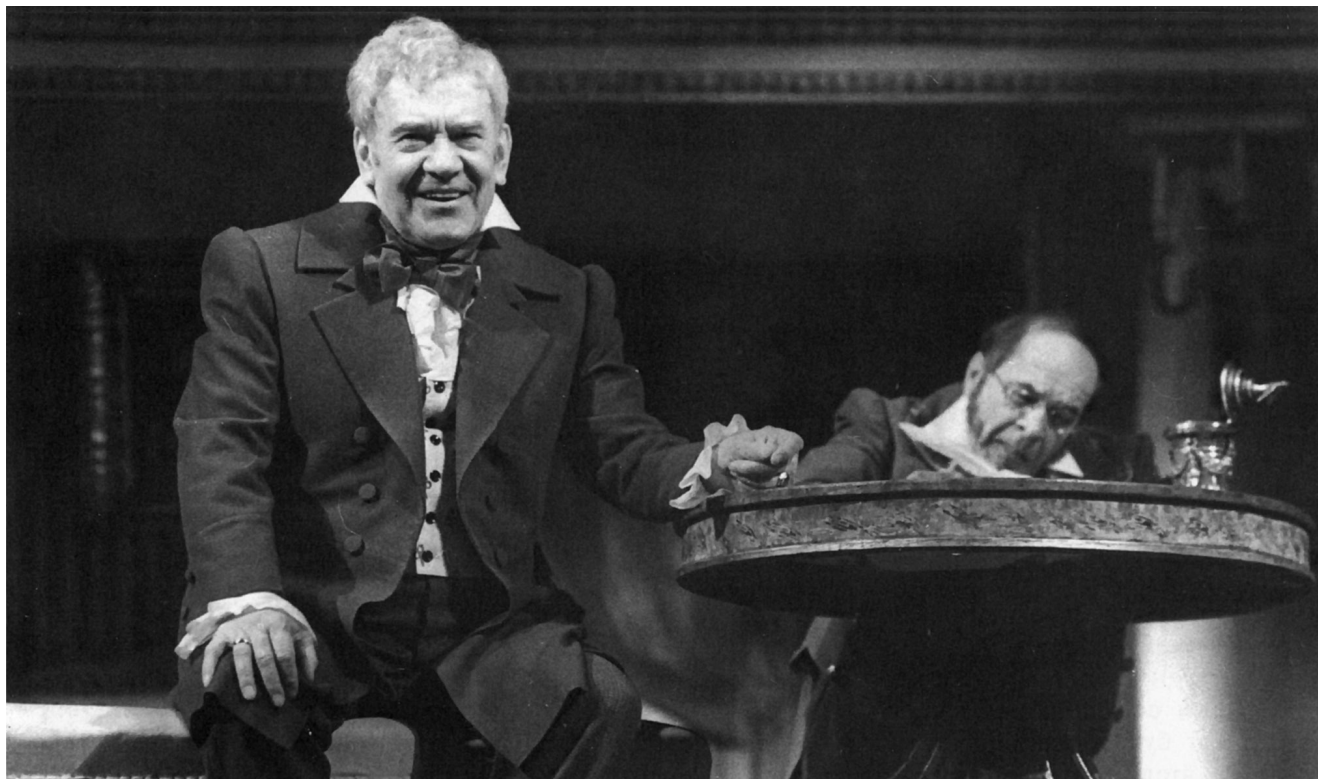
«В эти годы А.А. Смирнов не только был директором Института психологии АПН РСФСР, но и заведовал лабораторией психологии памяти. Во время подготовки курсовых работ (а я все курсовые работы, дипломную и диссертационную, писала у него) Анатолий Александрович пригласил посещать заседания лаборатории. Я с радостью воспользовалась этим.

Беседы со своими учениками Анатолий Александрович проводил не только в институте, но иногда и у себя дома. Его научная библиотека была обширной, но что удивляло: он обычно не искал нужную книгу, а просто брал её с полки, как будто только что читал её.

Анатолий Александрович свободно владел не только отечественной, но и иностранной литературой, читал на трёх европейских языках. Помню, когда во время консультации потребовались данные одного французского исследователя, Анатолий Александрович достал нужную книгу, спокойно открыл таблицу и прочитал вслух (уже на русском языке) все данные и выводы.

Работая с диссертантами, он просил приносить сначала только основные таблицы, перечень линий анализа и краткие выводы; эти материалы он сам просматривал, просчитывал, сравнивал, затем просил автора исследования высказать своё мнение. Он любил, когда молодые вступали с ним в спор, уважительно относился к чужой, пусть ещё и ученической, точке зрения. А.А. Смирнов завершал научное руководство диссертацией, прочитывая работу в целом и, конечно, тщательно редактируя не только автореферат, но и весь текст диссертации. А редактором он был замечательным! (Хотя и любил пошутить: «Дайте мне Шекспира, и я его отредактирую под Смирнова».)

Вот ещё один, о многом говорящий эпизод. Когда готовился том «Естественнонаучные основы психологии» (1975–1977), главу «Об-

щее анатомическое введение в нейропсихологию» писал один из наших крупнейших ученых — С.М. Блинков. Очень тщательно написанный текст, включавший описание массы мелких мозговых структур, ядер, нейронных объединений и т. д., оказался излишне длинным, а для психологов — излишне детальным. Возникли трудности с сокращением. И тогда этот профессионально очень далекий от него текст сократил и отредактировал Анатолий Александрович. После прочтения нового варианта главы С.М. Блинков спросил у редактора (И.В. Равич-Щербо): «А кто по профессии ваш директор?» — и, услышав, что Анатолий Александрович кончал, как и многие психологи того поколения, историко-филологический факультет и никогда специально мозговой физиологией и морфологией не занимался, воскликнул: «Поразительно! Абсолютно грамотно сделано!»

Внимательное и доброжелательное отношение А.А. Смирнова ко всем людям, работавшим в Институте психологии, достойно того, чтобы о нем сказать особо. Будь то руководители института, научные сотрудники, обслуживающий

персонал, со всеми он был уважителен, приветлив, тактичен. Обычно он знал об основных событиях личной жизни каждого сотрудника. Если случалось что-либо грустное или трагическое, он умел мягко, тактично, без лишних слов выразить сочувствие, соболезнование, а если требовалось, оказывал необходимую помощь. По инициативе А.А. Смирнова была заложена традиция написания праздничных поздравлений пенсионерам, приглашения их на наши концерты; многим он сам звонил по телефону, сохраняя научные и человеческие связи.

Память хранит множество мелких моментов повседневной жизни, каждый из которых в отдельности может показаться малозначимым, но именно из них складывалось то «системное качество», тот «постоянно действующий фактор», так отличавший атмосферу нашего института от многих других учреждений.

В последние годы директорства, когда Анатолий Александрович был уже очень пожилым человеком, в его кабинете происходили, например, такие сценки. Заходишь к нему по короткому делу: «Садитесь, пожалуйста!» — «Спасибо, я

на одну минуту... « В ответ с мягким дедовским юмором: «Сядьте, иначе мне придется встать, а я старый». Разговаривать с женщиной сидя он просто не мог.

Или, например, такое. В те времена у института не было своей машины, и для Анатолия Александровича всегда вызывали такси. В этих случаях он просил своего секретаря пройти по сотрудникам, жившим в том же районе, и, если они собирались идти домой, сказать, что вот-вот будет машина. Анатолий Александрович задавал такие эталоны поведения, взаимоотношений, при которых в институте органически не могли прижиться склоки, интриги, ложь.

Сотрудники отвечали ему глубокой благодарностью, готовностью во всем помочь и, главное, хорошей работой. Институт того времени создал фундаментальные исследования, которые и сейчас — золотой фонд нашей науки.

В этой связи хотелось бы вспомнить и о дружной семье Смирновых. Огромный объем работы Анатолия Александровича был для нас очевиден, но знали также, что и Мария Федоровна увлеченно работает в школе, что она завуч и преподаватель русского языка и литературы в одной из школ в районе Арбата. Среди ее учеников были и «дети Арбата», ярко описанные в романе И. Рыбакова, которым она оказывала поддержку и которые с большой благодарностью вспоминали о ее поистине материнском отношении к учащимся. Писатель А. Алексин, доктор наук К. Бардин и многие другие с теплотой и благодарностью вспоминали о том, каким учителем в их жизни была Мария Федоровна. Анатолий Александрович с большим уважением относился к профессиональному труду жены, терпеливо переносил регулярно появлявшиеся дома кипы тетрадей с сочинениями и диктантами учеников и т. п. Но и Мария Федоровна всегда обеспечивала надежные тылы для вечно загруженного работой мужа. Все члены лаборатории Анатолия Александровича помнят, как 8 Марта и в другие дни, поздравляя с праздником, он преподносил каждому сотруднику большие шоколад-

ные медали или другие сувениры, шутливо заявляя: «Это моя девушка прислала».

Невозможно забыть: когда на следующий день после смерти Анатолия Александровича несколько сотрудников института навестили Марию Федоровну, она — после естественных, сочувственных разговоров — вдруг горестно пожаловалась, что в последнее ее посещение больницы Анатолий Александрович что-то сказал ей «не так»; в ответ на наши утешения — «он, вероятно, уже не очень отдавал себе отчет во всем» — мы услышали: «Наверно... но ведь это первый раз в нашей жизни». А прожили они вместе 64 года! И пусть это реально был, вероятно, не первый раз; таковы были их отношения, что восприняла она это так... Как это прекрасно и как редко!

Семья Смирновых воспитала двух замечательных сыновей: одного — доктора технических наук, профессора, заведовавшего кафедрой в престижнейшем вузе страны — МВТУ им. Баумана; другого — блестящего пианиста, доктора искусствоведения, профессора, многие годы бывшего проректором Московской консерватории. Дружба и общение семьи Смирновых с коллективом Института психологии, начавшаяся во время работы Анатолия Александровича, стали традиционными и продолжают долгие годы. К великому сожалению, нет уже с нами не только старших Смирновых, но и первого их сына — Глеба Анатольевича. Однако и сейчас не исчезла традиция; на торжественных событиях в институте бывают второй сын А.А. Смирнова — Мстислав Анатольевич и его дочь Маша — молодой психолог.

Известно, насколько трудные периоды пережиты отечественной наукой и обществом в целом в 40—50-е гг. (стоит только упомянуть потрясшую науку сессию двух академий, сложные годы в языкознании, пресловутую борьбу с космополитизмом и т. п.). В этой связи мы должны с большой признательностью вспомнить о мужественном и мудром А.А. Смирнове, сумевшем провести институт через все социальные драмы практически без потерь, сохра-

нить и коллектив, и науку, и все основные направления исследований.

А как трудно ему было, теперь можно только догадываться. Ведь в силу междисциплинарности многих (практически всех) психологических проблем, положения психологии на стыке наук и ее безусловной включенности в общественную жизнь на работе института должна была сказываться любая идеологическая, политическая кампания, какой бы области она ни касалась: физиологии, языкознания, генетики, политэкономии, литературы, не говоря уж о таких «общезвестных» вещах, как борьба с преклонением перед Западом, космополитизмом и т. п.

Конечно, это требовало не только мужества, но и известной «гибкости», и не всегда все складывалось удачно. Иногда приходилось подолгу держать сотрудника на «временной» работе — на постоянную зачислить было нельзя; приходилось произносить всякие «полагающиеся» слова и т. п.

Когда в 1949 г. С.Л. Рубинштейна уволили с должности зав. сектором психологии в ИФАН СССР и зав. кафедрой философского факультета МГУ, А.А. Смирнов предоставил ему достойное место в здании Института психологии, где С.Л. Рубинштейн работал, принимал своих аспирантов и сотрудников. Анатолий Александрович мог не соглашаться и спорить по некоторым научным позициям с С.Л. Рубинштейном, однако с уважением относился к его незаурядной личности и вкладу в развитие науки, поддерживал его работу, издание его трудов. В тех случаях, когда он был не согласен, заявлял об этом открыто, что не мешало их дальнейшему сотрудничеству. Он умел создавать спокойную, деловую, уравновешенную обстановку в нашем психологическом сообществе.

Основой всего этого была и способность Анатолия Александровича объективно оценивать поступки и деятельность людей и, если факты убеждали, менять свою позицию. С этой точки зрения интересен рассказ нынешнего Президента Российской академии образования А.В. Петровского.

«Познакомился с А.А. Смирновым лишь после того, как я стал работать в Президиуме АПН СССР академиком-секретарем Отделения психологии. До этого я был зав. кафедрой психологии в пединституте им. Ленина и личных контактов со Смирновым у меня не было, хотя я знал, что есть такой крупный психолог, директор Института психологии. Когда меня избрали академиком-секретарем отделения, Анатолий Александрович отнесся к этому с большой настороженностью и, более того, явно негативно, и его можно было понять, поскольку вчерашний доцент пединститута, недавно защитивший докторскую диссертацию, стал членом-корр. АПН и избран академиком-секретарем. Многих это шокировало, наверное, и Анатолия Александровича в том числе. Во всяком случае Анатолий Александрович заявил, что он выходит из состава Бюро отделения. У меня не было к нему никаких претензий, я его прекрасно понимал. Ничего в этом для меня по-настоящему трагичного не было. Я должен был еще заслужить право руководить Отделением психологии, в котором были сконцентрированы наиболее яркие фигуры тогдашней психологической науки.

Так прошло несколько лет. И для меня было огромной радостью и вызвало чувство полного удовлетворения, когда на следующих выборах меня вновь избрали академиком-секретарем; А.А. Смирнов, как и А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, Т.А. Власова и другие психологи, выступил с поддержкой моей кандидатуры на эту должность».

А.А. Смирнов умел найти выход из трудных ситуаций, возникавших во взаимоотношениях представителей различных научных школ, психологов и педагогов, которые понимали психологию не иначе как вспомогательную науку по отношению к теории педагогики.

Выполняя роль администратора, директора института, он был вынужден иногда проявлять жесткость. Но она умерялась добрым отношением к человеку, какие бы решения ни принимались. А.В. Запорожец вспоминал такой эпизод: «Проходила конференция по социальной психо-

логии, и я, рассказывая об истории социальной психологии, заявил, что был такой период, когда она была исключена из состава психологических наук; и период этот был очень длительный: примерно с конца 20-х — начала 30-х гг. до середины 60-х. Присутствовавший ленинградский психолог Е.С. Кузьмин позволил себе реплику с места: «Не было такого периода, не было перерыва в социальной психологии». Всем стало ясно, что он экстраполирует на историю психологии расхожую идею, не было такого периода — «культ личности». Он перенес эту политическую формулировку на историю психологии. Я заметил, что может быть такого перерыва в истории социальной психологии и не было, но слава богу, что он кончился. В зале засмеялись. И тут совершенно неожиданно взорвался Анатолий Александрович. Он сказал: «Как это не было?! Как это не было перерыва?! Я в таком-то году (он назвал год) вел исследования социально-психологического плана, изучая психологические особенности рабочих, мне закрыли исследования в этой области, сказали, что их вести нельзя, что психология не должна вторгаться в эти вопросы». Е.С. Кузьмин чувствовал себя не очень ловко в этой ситуации. В общем, когда к тому были основания, Анатолий Александрович занимал резкую позицию, и занимал ее совершенно определенно. И это очень важное качество его личности: высоко нравственная позиция и кристальная честность, определенность в ее выражении».

Когда после смерти Сталина начала нормализовываться обстановка в обществе в целом и в психологии в частности, психологи объединились, чтобы добиться разрешения на издание своего журнала (у нас с 30-х гг. до 1955 г. своего журнала не было), главным редактором которого стал бы такой человек, которому доверяли все или почти все. Лидеры различных направлений в психологии предложили кандидатуру именно А.А. Смирнова. И в другие ответственные моменты развития нашей науки, в силу всем известной высокой нравственности и кристальной честности Анатолия Александровича, его умения деликатно находить способы взаимодействия и реше-

ния трудных вопросов, устраивавших всех лидеров основных направлений, называли А.А. Смирнова, доверяли ему. И он всегда успешно справлялся с этими непростыми задачами.

Первый съезд психологов, который проходил в здании Института психологии АПН РСФСР, был большим событием для нашей науки. На съезде А.А. Смирнов поставил вопрос о возрождении такой важной отрасли, как социальная психология, предложив Е.В. Шороховой выступить с докладом на эту тему.

В период, когда остро встал вопрос о разработке психолого-педагогических основ организации политехнической трудовой подготовки и профориентации школьников, Анатолий Александрович создал в институте соответствующее научное подразделение, организовал трудовое обучение в школах Москвы (№ 59, 91, 710 и др.). Он показал, что приобщение человека к труду и воспитание потребности в труде малоэффективны без одновременного формирования личностных качеств, необходимых для успешной трудовой деятельности и присущих передовым представителям в разных сферах человеческой деятельности.

А.А. Смирнов последовательно поддерживал научную молодежь, поощряя, в частности, разработку оригинальных идей А.И. Миракяна в области, казалось бы, не оставляющей места для инноваций, — в классической проблеме константности восприятия. Анатолий Александрович оформил перевод аспиранта Ереванского пединститута в Институт психологии, принял его на работу и всячески поддерживал его исследования, несмотря на жесткую критику их некоторыми сотрудниками института. А.И. Мирокян был счастлив, он стал первым лауреатом только что учрежденной премии им. А.А. Смирнова и до конца своих дней был благодарен Анатолию Александровичу за поддержку, оказанную еще в аспирантские годы.

Долгие годы профессионалов-психологов нигде не готовили, многие из работавших разошлись после разгрома педологии по другим областям знаний. Поэтому пополнение науки

молодыми, современно образованными кадрами стало задачей первостепенной важности.

В институте была найдена замечательная форма работы с молодежью, создана обстановка доброжелательности и требовательного уважения к каждому. Большая роль в этом принадлежала Анатолию Александровичу. В те годы аспирантура была довольно многочисленной, однако директор знал каждого аспиранта и был настоящим воспитателем молодых ученых.

Уход Анатолия Александровича с поста директора института, конечно, был весьма драматичным событием для всего научного общества, для нашего научного коллектива. Есть такие руководители, которые не просто оставляют в истории след, а маркируют эпоху. В истории Психологического института — это Г.И. Челпанов и А.А. Смирнов. Если первый создал институт, то второй, конечно же, его сохранил и развил. Как справедливо отметил В.В. Рубцов, когда будут вспоминать о директорах института, то при всем уважении ко всем тем, кто занимал кресло директора, в первую очередь будут говорить об этих двух людях. Они больше, чем кто-либо, способствовали превращению Психологического института в исторический центр развития психологической науки, каким он являлся на протяжении многих десятилетий.

И недаром одна из его учениц вспоминает, как ее — тогда совсем юную — на одном важном собрании маститые ученые спросили, знает ли она, что институт называют необыкновенным островом на земле, а его директора — необыкновенным явлением, и понимает ли, какое ей выпало счастье. Да! Не будет преувеличением сказать, что все, кто учился и работал с Анатолием Александровичем, самыми счастливыми в своей жизни считают именно эти годы.

Человек жив, пока о нем вспоминают, читают и почитают его научные труды. А.А. Смирнов еще долгие-долгие годы будет в благодарной памяти потомков. По решению коллектива Института психологии у входа в Большую аудиторию, в которой проходили заседания

Ученого совета, руководимого Анатолием Александровичем в течение трех десятилетий, навечно установлена мемориальная доска:

Ученому, общественному деятелю
и замечательному человеку
Смирнову Анатолию Александровичу,
директору института в трудные
1945—1973 годы.
Благодарные сотрудники

Глубочайшую благодарность авторы статьи считают своим долгом выразить всем, кто откликнулся на просьбу поделиться воспоминаниями о А.А. Смирнове. Особая благодарность семье Смирновых — Мстиславу Анатольевичу, Людмиле Алексеевне, Марии Мстиславовне, поделившихся с нами воспоминаниями и предоставивших возможность познакомиться с письмами к Анатолию Александровичу.

Мы записали на магнитофон и храним интервью с доктором психол. наук, проф. Л.И. Анциферовой, сотрудницей института Н.В. Арефьевой, чл.-кор. РАН, директором Института психологии РАН, проф. А.В. Брушлинским, доктором психол. наук, проф. К.М. Гуревичем, вице-президентом РАО, проф. В.В. Давыдовым, канд. психол. наук Т.И. Данюшевской, акад.-секретарем РАО, проф. В.П. Зинченко, доктором психол. наук, проф. О.А. Конопкиным, канд. психол. наук Е.М. Кудрявцевой, доктором психол. наук, проф. А.И. Липкиной, канд. психол. наук М.А. Меньшиковой, президентом РАО, проф. А.В. Петровским, сотрудницей института А.А. Поспеловой, акад. РАО, директором Психологического института В.В. Рубцовым, канд. психол. наук Г.Г. Сабуровой, сотрудницей института О.А. Санковой, канд. психол. наук Е.А. Соловьевой, доктором психол. наук, проф. Н.Ф. Талызиной, доктором психол. наук, проф. Е.В. Шороховой, доктором психол. наук, проф. И.С. Якиманской, академиком РАО, проф. М.Г. Ярошевским.

*Э.А. Фарапонова,
И.В. Равич-Щербо*